

Джону посвящается

Мэрайя

Почему Яго злодей? Этим вопросом задаются многие. Но не я.

Еще один пример — он пришел мне на ум, потому что сегодня утром миссис Берштейн увидела на грядке с артишоками гремучую змею и все никак не может успокоиться: я никогда не спрашиваю о змеях. Почему в садах Шалимар водятся крапты? Почему коралловой змее для выживания требуются две железы, вырабатывающие нейротоксины, а королевской змее, столь похожей по окрасу, — ни одной? Где тут дарвиновская логика?

Кто-то, может, и задается этими вопросами. А я не задаюсь — теперь уже нет. Вспоминается случай, о котором не так давно писала лос-анджелесская газета “Геральд экзаминер”: двое туристов, молодожены из Детройта, были найдены мертвыми в своей туристической палатке близ Бока-Ратона, а в термоодеяле лежала, свернувшись, коралловая змея.

Почему? Если вы не готовы углубиться в детали, удовлетворительного ответа на подобные вопросы не найти.

Да просто потому что. Я такая, какая есть. Искать причины бессмысленно.

Но так как именно поиском причин тут и занимаются, мне все продолжают задавать вопросы. Мэрайя,

да или нет: я вижу член в этой черной кляксе. Мэрайя, да или нет: очень многие совершают предосудительные сексуальные действия; я считаю свои грехи непростительными; я разочаровалась в любви. Как мне ответить? Что из этого подходит? “Ничего не подходит”, — пишу я магнитным карандашом. “Так, а какой ответ подходит?” — спрашивают меня позже, как будто ответ “Ничего” — двусмысленный, открытый для интерпретаций, как нерасшифрованный фрагмент исландской руны. “Есть только конкретные факты”, — говорю я, пытаясь играть по правилам. Конкретные факты, конкретные события, которые произошли. (Зачем вообще я это делаю, спросите вы. Ради Кейт. Я тут играю ради нее. Картер упрятал ее туда, а я должна ее вытащить.) Они будут искажать факты, находить какие-то связи, домысливать мотивы, которых нет, но, как я и говорила, это их работа.

Поэтому мне предложили изложить факты, а факты таковы: меня зовут Мэрайя Уайет. Некоторые тут зовут меня миссис Лэнг, но я так никогда не представляюсь. Тридцать один год. Была замужем. Разведена. Есть дочь, ей четыре года. (Но о Кейт я здесь ни с кем не говорю. Она сейчас там, где ей подключают электроды к голове и втыкают иглы в спину в попытках понять, что с ней не так. Еще один вопрос наподобие “почему у коралловой змеи две железы с нейротоксинами?” У Кейт мягкий пушок на спине и нарушение работы головного мозга. Кейт есть Кейт. Картер не помнит о пушке на ее спине, иначе он бы не позволил втыкать в нее иглы.) От матери мне досталась внешность и хроническая мигрень. От отца — оптимизм, который не покидал меня до недавнего времени.

Подробности: я родилась в Рино, штат Невада, через девять лет переехала в городок Сильвер-Уэллс, штат Невада, население тогда — двадцать восемь человек,

Играй при любом раскладе

сейчас — ноль. Переехали мы, потому что отец, проиграв дом в Рино, вдруг вспомнил, что владеет всем городком Сильвер-Уэллс. Он то ли купил его, то ли выиграл, а может, получил в наследство от деда — я точно не помню, а вам это и не важно. Было много всячего, что мы теряли так же легко, как приобретали: скотоводческое ранчо без скота, горнолыжный курорт, взятый в ипотеку, мотель, который выгодно расположился бы на съезде с автострады, если бы эту самую автостраду построили. Меня воспитали с убеждением: карта, которая придет, будет лучше сброшенной. Больше я в это не верю, просто рассказываю, как все было. В Сильвер-Уэллсе было триста акров мескитовой рощи, несколько домов, заправка, цинковый рудник, железная дорога и сувенирная лавка, а позже, когда мой отец и его партнер Бенни Остин решили, что Сильвер-Уэллс — это природная достопримечательность, там появились поле для мини-гольфа, музей рептилий и ресторан с игровыми автоматами и двумя покерными столами. Автоматы денег не приносили, потому что играла в них только Полетт, и играла она мелочью из кассы. Она была управляющей и, как я сейчас уже понимаю, спала с отцом, а иногда разрешала мне понарошку поработать кассиром после школы. Именно “понарошку”, потому что посетителей не было. Так получилось, что автостраду, на которую рассчитывал отец, так и не построили, деньги кончились, мать заболела, а Бенни Остин вернулся в Вегас — пару лет назад я столкнулась с ним во “Фламинго”.

— Знаешь, в чем беда твоего отца — он опережал время лет на двадцать, — сказал мне в тот вечер Бенни. — Туристический город-призрак, мини-гольф, игровые автоматы, сейчас все это актуально! Гарри Уайет мог бы стать Рокфеллером Сильвер-Уэллса!

— Нет уже никакого Силвер-Уэллса, — сказала я. — На этом месте сейчас ракетный полигон.

— Я говорю о том, как было тогда, Мэрайя. В *прошлом*.

Бенни заказал коктейль “Куба либрे” (никогда не видела, чтобы его заказывал кто-то кроме отца, матери и Бенни Остина), а я отдала ему свои фишки, ушла в дамскую комнату, а обратно так и не вернулась. Я оправдывала свой побег нежеланием представлять Бенни своего спутника — мужчину, который играл в баккара за отдельным столом и ставил деньги пачками, — но сбежала я не только поэтому. Скажу прямо: не нравятся мне эти рассуждения о *прошлом*.

Они ни к чему не приводят. Бенни Остин, за окном 120 градусов жары¹, моя мать сидит в пустом ресторане и просматривает журналы в поисках розыгрышей путевок, в которых мы можем поучаствовать (“Вай-кики”, “Париж, Франция”, “Римские каникулы” — скука матери отравляла нашу жизнь, как нервно-паралитический газ: “Самолет унесет меня за океан, и увижу джунгли я сквозь туман”, — всерьез намереваясь так и сделать, напевала она себе под нос песню Джо Страффорд); мы втроем едем в Вегас на пикапе, потом ясной ночью возвращаемся домой — сто миль туда и сто миль обратно, на дороге ни души, только змеи, извивающиеся на теплом асфальте, у мамы увидшая гардения в темных волосах, отец с припрятанной бутылкой виски под сиденьем безостановочно говорит о своих планах, они у него были всегда, а я никогда в жизни не строила планов, от них нет никакого толку, в итоге ничего не складывается.

Какой, например, был толк от Нью-Йорка? Восьмнадцатилетняя девушка из Силвер-Уэллса, штат

¹ По шкале Фаренгейта. — Здесь и далее — примечания переводчика.

Играй при любом раскладе

Невада, оканчивает среднюю школу в Тонопе и отправляется в Нью-Йорк учиться актерскому мастерству — как вам такое? Мама считала, что мне нужно стать актрисой, и все время подстригала мне челку, как у Маргарет Саллavan, а папа сказал не трусить, потому что, если кое-какие его сделки пойдут по плану, они с мамой будут то и дело летать между Лос-Анджелесом и Нью-Йорком, ну я и решилась на переезд. Но, как оказалось, предпоследний раз в жизни я видела маму в аэропорту Вегаса, попивающей “Куба лиbre”, вот так вот. Все проходит. Я очень стараюсь не думать о том, что все проходит. Я наблюдаю за колибри, гадаю по “Книге перемен”, подбрасывая монетки, — но что выпало, не смотрю, живу только настоящим.

Нью-Йорк. Давайте сосредоточимся на фактах. Произошло следующее: у меня была неплохая внешность (не хочу сказать, что красота — мое проклятье или благословение, но что есть, то есть, снимки говорили сами за себя), кто-то сфотографировал меня, и вот я уже получала по сто долларов в час от агентств и по пятьдесят долларов в час от журналов, что в те дни было неплохим заработком, и я стала проводить все свое время с южанами, гомиками и богатенькими мальчиками. В ту ночь, когда мама вылетела в кювет на шоссе недалеко от Тонопы, я, вероятно, кутила с пьяным богатеньким мальчиком в старом “Марокко”, точно сказать не могу, я не знала о случившемся еще несколько недель: ее разорванное койотами тело нашли не сразу, а потом отец долго не мог решиться сообщить мне. (“Черт, а ведь у нас все было хорошо в Сильвер-Уэллсе”, — сказал Бенни Остин тем вечером во “Фламинго”, и, возможно, так оно и было, может быть, и у меня все было бы хорошо, может быть, не стоило мне уезжать оттуда, но все эти рассуждения

ничего не меняют, ведь, как я и сказала Бенни, никакого Сильвер-Уэллса уже не существует. Последнее, что я слышала о Полетт, это то, что она живет в каком-то комьюнити для пенсионеров. Вот так поворот!)

Письмо отца пришло на старый адрес и было мне переадресовано, я прочла его в такси по пути на работу, и, когда в середине второго абзаца до меня дошло, в чем суть, я закричала во весь голос, а потом еще месяц не выходила на работу. Я до сих пор храню письмо в косметичке, но перечитываю его, только когда выпью, что в нынешнем положении невозможна. “Расклад плохой, дорогая, но, если Бог есть, а я все же верю в какие-то высшие силы, он не хотел бы, чтобы ты отступала от своих планов”, — так заканчивалось письмо. — “Не дай никому себя переиграть, у тебя все козыри на руках”.

Козыри на руках. Не знаю точно, какой это был год, ведь я терпеть не могу вспоминать о прошлом, но спустя какое-то время у меня в жизни началась черная полоса. (Вы скажете: вот, она все-таки считает свои грехи непростительными, но я же говорю, ничего не подходит.) Тюльпаны на Парк-авеню были какие-то грязные, дважды меня отправляли в Монте-го-Бей, чтобы вернуть мне цвет лица, но я не могла спать одна и засиживалась допоздна, с Айвеном Костелло ничего не складывалось, и это уже отражалось в кадре. Но жить в Неваду я не вернулась: в том году я разругалась с Айвеном и вышла замуж за Картера, а в следующем году мы переехали сюда и Картер дал мне роли в двух фильмах (один из них вы, может быть, даже смотрели — здешний доктор утверждает, что видел его, но он скажет что угодно, лишь бы меня разговорить, а второй фильм так и не вышел в прокат), что случилось еще год спустя, я не знаю, но я стала часто

Играй при любом раскладе

бывать в Неваде — правда, к тому времени мой отец умер, и я была уже разведена.

Факты изложены. Сейчас я лежу на солнце, раскладываю пасьянс, прислушиваюсь к шуму волн (море внизу, за обрывом, но мне не разрешают купаться, только по воскресеньям и с сопровождением) и наблюдаю за колибри. Я стараюсь не думать о смерти и о водопроводе. Стараюсь не слышать гул кондиционера в той спальне в Энсино. Стараюсь не жить ни в Сильвер-Уэллсе, ни в Нью-Йорке, ни с Картером. Стараюсь жить настоящим и не спускаю глаз с колибри. Не общаюсь ни с кем из знакомых, да и в целом я не в восторге от людей. Может, у меня и были все козыри на руках, но я не знала правил игры.

Элен

Сегодня я навещала Мэрайю. По крайней мере, хотела навестить. Я пыталась. Скажу честно, сделала я это не ради нее, а ради Картера, или ради Бизи, ради памяти о старых временах, или ради чего-то еще, но не ради Мэрайи.

— Я не очень хочу с тобой говорить, Элен, — сказала она в прошлый раз. — Ничего личного, я просто больше не разговариваю.

Не ради Мэрайи.

В любом случае увидеть ее не вышло. Я проделала длинный путь, все утро собирала для нее в коробку новые книги, шифоновый шарфик, который она как-то раз чуть не забыла на пляже (она очень рассеянна, он стоил долларов тридцать, но ей всегда было все равно), и фунт икры, может, и не белужьей, но не в ее положении привередничать, плюс письмо от Айвена Костелло и длинный репортаж о Картере из “Нью-Йорк таймс”, — можно подумать, что ей это интересно, Мэрайя ведь никогда не могла смириться с успехом Картера, — и все это ради того, чтобы она сказала, что не хочет меня видеть.

— Миссис Лэнг отдыхает, — сказала медсестра.

Видела я, как она отдыхает, видела, как лежит у бассейна в том же бикини, что и тем летом, когда

Играй при любом раскладе

убила Бизи, беззаботно лежит, прикрыв глаза рукой от солнца. Она никогда не полноет, это свойственно эгоистичным женщинам. Я не виню Мэрайю за то, что случилось со мной, хотя это я пострадала, это я должна отдыхать, это я потеряла Бизи из-за ее легкомыслия, из-за ее эгоизма, но я виню ее только за Картера. Еще немного, она убила бы и его. Она всю жизнь была эгоисткой: вчера, сегодня и всегда — мир вертится только вокруг Мэрайи.

Картер

Вот парочка эпизодов, которые я хорошо запомнил.

“Я всегда завтракаю в ресторанах”, — сказал я кому-то. Это был ужин у друзей. Мэрайя сказала бы, что они ей не друзья, она никогда не понимала дружбу, общение, обычные правила социального взаимодействия. Ей вообще было трудно разговаривать с теми, с кем она не спит.

— Я хожу в “Уилшир” или “Беверли-Хиллз”, — сказал я. — Читаю газеты, люблю побывать один за завтраком.

— Вообще-то он не всегда завтракает в ресторанах, — сказала Мэрайя, очень тихо, ни к кому конкретно не обращаясь. — В последний раз он завтракал не дома семнадцатого апреля.

Люди за столом смотрят сначала на нее, потом отводят удивленный, встревоженный взгляд в сторону: то, как напряжены ее руки на краю стола, мешает пропустить эту фразу мимо ушей.

— Ну и хрен с ним, — сказала она, и по щекам ее потекли слезы. Отрешенный взгляд ее по-прежнему был направлен вперед.

Другой эпизод: она играет на лужайке с дочкой, поливая ее струйками воды из пластикового шланга.

— Смотри, чтоб она не простыла, — говорю я с террасы.

Играй при любом раскладе

Мэрайя смотрит на меня, опускает шланг и отходит к бассейну. Потом поворачивается и смотрит на девочку.

— Твой отец хочет тебе что-то сказать, — говорит она. Голос ее абсолютно ничего не выражает.

После смерти Бизи я какое-то время проигрывал эти и похожие сцены в голове много раз, выстраивал их, будто кадры для съемки, пытаясь упорядочить, найти закономерность. Но не нашел. Могу сказать только одно: после череды подобных сцен я осознал отсутствие перспективы сближения с Мэрайей.

1

Весь первый жаркий осенний месяц после того лета, когда она ушла от Картера (когда Картер ушел от нее, когда съехал из их дома в Беверли-Хиллз), Мэрайя колесила по автостраде. Каждое утро она одевалась с таким энтузиазмом, какого не чувствовала давно: хлопковая юбка, футболка, сандалии, которые можно быстро скинуть, когда захочется получше чувствовать педали; делала она все очень быстро: пару раз пройдет расческой по волосам и соберет их в хвост — крайне важно в десять часов утра уже быть на автостраде, ведь медлить — значит подвергать себя немоверной опасности. Не где-то на Голливудском бульваре, не по дороге к автостраде, а именно на ней. Иначе она теряла ритм дня, его сбивчивый навязанный темп. Оказавшись на автостраде и выехав на скоростную полосу, она включала радио на полную громкость и просто ехала. Она ехала из Сан-Диего до Харбора, из Харбора до Голливуда, из Голливуда до Голден-Стейт, по Санта-Монике и Санта-Ане, по Пасадене и Вентуре. Она плыла по дороге, словно лоцман по реке, с каждым днем чутче прислушиваясь к ее течению, была внимательнее к ее поворотам, и, как лоцман в миг перед тем, как уснуть, чувствует покачивание лодки, так и Мэрайе ночью в ти-

шине Беверли-Хиллз чудились пролетающие над головой на скорости сто десять километров в час огромные знаки: “Нормандия $\frac{1}{4}$ ”, “Вермонт $\frac{3}{4}$ ”, “Харбор Фай 1”.

Снова и снова она возвращалась к сложному участку южнее развязки, где, для того чтобы выехать из Голливуда в Харбор, нужно было пересечь по диагонали четыре полосы. И когда у нее наконец получилось проделать это, ни разу не затормозив и не сбившись с ритма радио, она пришла в восторг и той ночью спала без сновидений. В то время она ночевала не в доме, а у бассейна, в выцветшем ротанговом шезлонге, который остался от прошлого арендатора. Розетка для телефона там была, а укрывалась она пляжными полотенцами. Полотенца были важным пунктом. Ее тревожило чувство, что ночевки в шезлонге можно расценить как признаки *чего-то* (что конкретно ее пугало, она не знала, но это было связано с пустыми консервными банками в раковине и бутылками из-под вермута в мусорном ведре — неряшливость, доведенная до точки невозврата), она твердила себе, что ночует в шезлонге до тех пор, пока спать под полотенцами не станет холодно, пока не спадет жара, пока леса не перестанут гореть, она спит на улице, потому что в спальне чересчур жарко, потому что там нечем дышать, потому что ветки пальм бьются о стекла и некому будить ее по утрам. Она укрывалась пляжными полотенцами — значит, она тут временно. На улице она не беспокоилась, что не проснется, на улице она могла спать спокойно. А просыпаться надо было обязательно: к десяти утра она должна быть на автостраде.

Иногда автострада кончалась на складе металломолова в Сан-Педро, или на главной улице Палпдейла,

Играй при любом раскладе

или вообще непонятно где — идеально ровный раскаленный асфальт вдруг переходил в грунтовку, вдоль которой ржавели заброшенные сараи.

Когда такое случалось, Мэрайя не мешкала и ловко разворачивала машину, впервые ощущая под собой тяжесть затормозившего автомобиля, старалась не отрывать глаз от дороги, от огромных свай, от сетки рабицы, от ядовитого олеандра, от светящихся указателей — от того организма, который притуплял все ее рефлексы, поглощал все ее внимание.

Чтобы не приходилось останавливаться перекусить, она брала с собой вареные яйца. Она могла почистить и съесть их на скорости семьдесят миль в час (разбить скорлупу о руль, никакой соли, от нее отеки; что бы ни случилось, она заботилась о фигуре) и запить кока-колой, которую она покупала на заправках. Она стояла на горячем асфальте, пила колу из бутылки, а затем ставила ее обратно на стойку (она старалась, чтобы работник заметил этот жест — демонстрация ответственности, никаких консервных банок из-под сардин в раковине), а потом подходила к краю тротуара и стояла, пока солнце сушило ее влажную спину. Чтобы услышать собственный голос, она иногда заговаривала с работником заправки, просила порекомендовать фильтры для масла, спрашивала, какое давление должно быть в шинах, какой самый короткий путь до бульвара Футхилл в Уэст-Ковине. Потом она затягивала хвост потуже, сполоскивала солнечные очки в питьевом фонтанчике и снова садилась за руль. Весь первый жаркий осенний месяц после того лета, когда она ушла от Картера, когда Картер ушел от нее, когда Картер съехал из их дома в Беверли-Хиллз, когда в городе был не лучший сезон, Мэрайя намотала на “корвете” семь тысяч миль.